

Противоречия современных теоретических интерпретаций общественного развития, социальной эволюции, модернизации и социальных изменений¹

Аннотация

В статье определены ограничения и противоречия современных теоретических интерпретаций развития общества, социальной эволюции, модернизации и социальных изменений. Продемонстрированы различия в трактовке развития и эволюции в современных естественных науках и социологии. Разработана модель, которая включает шесть измерений развития общества: 1) экономический рост; 2) научно-техническое развитие; 3) социальные изменения; 4) эволюционное развитие; 5) развитие общественных отношений; 6) модернизация. В отличие от известных подходов в социологии, измерения развития общества выделяются не по сферам общественной жизни или трансформациям разных социальных институтов, а по характеру и направленности изменений общества. Каждое из таких измерений определяет соответствующую теоретическую интерпретацию развития общества и ракурс проведения научного анализа. В совокупности они образуют комплекс согласованных интерпретаций сложного многоуровневого явления, что позволяет минимизировать существующие концептуальные противоречия. На основе разработанной модели обосновывается терминальный критерий модернизации как повышения способности людей в осуществлении ими выбора.

Ключевые слова: развитие, социальные изменения, социальная эволюция, модернизация, социальная теория

¹ В статье использованы материалы исследования, проводившегося в рамках научно-исследовательской темы № 11БФ017-01 факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко “Тенденции структурной трансформации украинского общества в контексте глобализации и европейской интеграции”.

Общественное развитие является неоднозначным понятием, по поводу которого в социальных науках всегда велись дискуссии. Его теоретические интерпретации глубоко укоренены в философской мысли и являются воплощением тех или иных ценностных и идеологических систем. Само представление о развитии в природе и в обществе является современным и сформировалось под влиянием европейской философии и науки Нового времени. Поэтому общественное развитие было ключевым понятием в социологии XIX–XX веков. Ведь социология впитала в себя квинтэссенцию мировосприятия эпохи модерна.

В социологической и социально-философской мысли выдвигались различные теории развития общества [Штомпка, 1996]. Т. Парсонс, объединив эволюционную парадигму и системный подход, понимал общественное развитие как направленные и последовательные эволюционные изменения в социальной системе и ее подсистемах, результатом которых было повышение адаптивной способности (*enhancement of adaptive capacity*) [Parsons, 1966: p. 21]. Такой системно-эволюционистский подход не оставлял в понимании общественного развития места для человека как актора. Он был телеологическим и под влиянием эволюционной парадигмы нечувствительным к особенностям социальных изменений. В преодолении ограничений теории Т. Парсонса такие ученые, как Р. Дарендорф, Д. Локвуд, Дж. Александер и др., рассматривали изменения и процессы дифференциации в контексте конфликта, а не только интеграции, тогда как Н. Смелзер, Н. Луман, Ш. Айзенштадт, Б. Гизен и др. подвергали сомнению направленность социального развития (см.: [Haferkamp, 1992: p. 5–12]).

В течение последних четырех десятилетий — в период подъема философии постмодерна и критики социологических теорий эволюционизма, модернизации и исторического материализма — в социологии заметна тенденция избегать термина “социальное развитие” и использовать вместо него термин “социальные изменения” [Calhoun, 2000]. Если во времена господства эволюционизма в социологии в 1950-е годы последний термин считался полным синонимом эволюции [Social Change, 1955: p. 155–159], то в 1980–1990-е годы он уже считается более общим понятием и ему отдают предпочтение перед скорее специальными понятиями “эволюция”, “прогресс”, “дифференциация” и “развитие”, которые обозначают “специфические механизмы, процессы и направления изменений” [Haferkamp, 1992: p. 1].

Вместе с тем термин “развитие” продолжают широко употреблять применительно к экономической сфере общества. Образовалась целая мощная научная отрасль, получившая название “экономика развития” [Development economics, 2009]. Под влиянием этой отрасли в англоязычной литературе понятие “развитие” имеет коннотацию преодоления отсталости и бедности и фактически является синонимом модернизации.

П. Штомпка, пытаясь разрешить дихотомии “индивидуальность — тотальность”, “статика — динамика” и “возможность — действительность” и сочетая теоретические основы исторического материализма, структурализма и эволюционизма, обосновал понимание социальной реальности как “социально-индивидуального поля в процессе становления”, когда “общество... существует только как социальное становление” [Sztompka, 1991: p. 94–95]. П. Штомпка предлагает пять социологических понятий для характеристики развития общества: изменение, процесс, тенденция, социальное развитие и прогресс

[Штомпка, 2005: с. 455–462]. Если тенденция является направленным процессом, то социальное развитие, по его убеждению, отличается от других направленных процессов тем, что, направление развития имеет позитивный характер и обусловлено эндогенными факторами [Штомпка, 2005: с. 458].

Хотя П.Штомпка как теоретик известен своей скрупулезностью и мастерством построения четких логических конструкций, в его схеме скрываются ограничения и даже логические противоречия. Во-первых, если прогресс и регресс различаются только по шкале ценностей, — а, по словам П.Штомпки, это относительное понятие, в зависимости от того, к каким ценностям они приближают и от каких отдаляют [Штомпка, 2005: с. 460], — то, соответственно, регресс (то есть деградация) также является формой развития. Однако этот вывод противоречит предыдущему утверждению о том, что развитие является процессом “позитивного характера”, когда “повышается уровень определенной переменной величины” [Штомпка, 2005: с. 458]. Во-вторых, остается открытым вопрос: в чем собственно состоят “позитивные и направленные” процессы, которые являются развитием? Как их выделить и измерить? В-третьих, хотя развитие общества является его имманентным свойством (в этом нельзя не согласиться со П.Штомпкой), взгляд на социальное развитие как обусловленное только эндогенными факторами, является ограниченным, поскольку развитие как социальных, так и природных систем неразрывно связано с влиянием внешней среды. Более того, в отличие от природных систем, общество является системой, которая адаптирует, а не только адаптируется [Маркарян, 1983].

Таким образом, современные концепции общественного развития, социальной эволюции и социальных изменений образуют противоречивую картину поступательного движения общества. Как резюмирует Д.Харрисон, не существует согласованного определения общественного развития, неминуемо оказывающегося нормативным термином, который может охватывать всевозможные процессы [Harrison, 1988: p. 151]. Целью данной статьи является определение ограничений современных теоретических интерпретаций развития, социальной эволюции, модернизации и социальных изменений и разработка теоретической модели измерений развития общества, что позволит минимизировать существующие концептуальные противоречия.

Проблемы теоретической интерпретации общественного развития уходят корнями в позитивистскую эволюционную парадигму. Начиная со Г.Спенсера, который построил свою схему социальной эволюции, опираясь на предшествующие исследования развития “индивидуальных организмов” (но не видов и популяций, как у Ч.Дарвина), в социологию было инкорпорировано представление о развитии как движении от простого к сложному через процессы дифференциации [Спенсер, 1998: с. 24]. Однако современные исследования систем и процессов самоорганизации показывают, что эволюция (то есть направленные изменения) имеет разное направление в системах различного типа. И.Пригожин и И.Стенгерс обосновали эволюционную парадигму, охватывающую “изолированные системы”, эволюционирующие к хаосу, и “открытые системы”, эволюционирующие ко все более высоким формам сложности [Пригожин, 1986: с. 369]. Таким образом, эволюция в этом понимании является более широким понятием, чем развитие, происходящее путем самоорганизации системы. Развитие является свойством исключительно систем определенного типа, поскольку для

осуществления увеличения порядка через неравновесность и флуктуации в системе нужно, чтобы “сложность системы превышала определенный порог” [Пригожин, 1986: с. 369].

С другой стороны, современная биология сама изменила представления об эволюции в живой природе. Речь уже идет не о “выживании наиболее приспособленных организмов”, а эволюционный механизм рассматривается на молекулярном уровне. Во-первых, современный неodarвинизм отказывается от теории популяционного отбора в пользу закрепления признаков на уровне генов; во-вторых, в эволюции больше не усматривается способ достижения большей приспособленности организма [Антоновский, 2005: с. 219, 244].

Кстати, разрыв современной теории биологической эволюции с концепцией адаптации как стержневой функции эволюционных преобразований остался преимущественно незамеченным для большинства социологов, даже тех, кто весьма критически относится к парадигме социальной эволюции. Например, Э.Гидденс настаивал на том, что характерной особенностью для практически всех теорий социальной эволюции является понимание именно адаптации как доминирующего механизма социальных изменений [Giddens, 1984: р. 233]¹. Впрочем, такое концептуальное единство понимания социальной и биологической эволюции, на котором в свое время настаивал Э.Гидденс [Giddens, 1984: р. 231], в основном утрачено. Если оно и воспроизводится, то уже на совсем иных теоретических основаниях, которые преодолевают концепции Спенсера и Дарвина [Луман, 2005: с. 39]. А эволюционизм типа известной теории Т.Парсонса в социологии очень далек от современных научных представлений о биологической эволюции.

В-третьих, самая лучшая приспособляемость (способность к адаптации) не обязательно связана со сложностью системы. Еще Л. фон Бергаланфи указывал на то, что успешная “адаптация возможна на любом уровне организации” (цит. по: [Антоновский, 2005: с. 253]). Это означает существование различных комбинаций приспособляемости и сложности. Дж. Стиглиц, критикуя непонимание эволюционной биологии при экстраполяции ее идей на социальную реальность, подчеркивает, что приспособленность не является абстрактным унифицированным свойством. Она существует лишь в контексте экологической системы, в которой “разные виды занимают разные ниши”, что формирует “множественные равновесия” (multiple equilibria) [Stiglitz, 2004: р. 24]. Более того, те системы, которые могут быть успешными в долгосрочной перспективе, имеют шанс проиграть конкуренцию лучше приспособленным на текущий момент [Stiglitz, 2004: р. 24].

В-четвертых, в эволюции живых организмов структурная согласованность генов (то есть внутренние условия) является определяющей по отношению к внешнему влиянию среды, обеспечивая “естественный отбор”, а успешность мутации зависит именно от этих внутренних условий, а не от “свойств фенотипа” [Антоновский, 2005: с. 223]. И наконец, сегодня доминирует мнение, согласно которому эволюцию нельзя отождествлять с дви-

¹ Даже в публикациях последних лет можно найти утверждения о том, что “в основе... [адаптационной] модели лежит эволюционистская гипотеза о вариативности и приспособлении как оптимальном способе выживания и развития общества” [Погосян, 2009: с. 99].

жением от простого к сложному, поскольку в этом процессе “высококомплексные композиции” сменяются упрощениями, если те имеют над ними преимущество [Луман, 2005: с. 40–41].

Последний тезис также распространяется на социальную эволюцию. В частности, Н.Луман, настойчиво отстаивавший этот тезис, писал, что, хотя в процессе эволюции системы “проверяются” на сложность и выстраиваются более сложные системы, эволюционное увеличение сложности в обществе и культуре не подтверждается, прежде всего в отношении языка [Луман, 2005: с. 41]. Поэтому в современной культурной антропологии, по определению Г.Классена, под эволюцией понимается “процесс структурной реорганизации во времени, в результате которого возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предыдущей формы” (цит. по: [Коротаев, 2003: с. 5]). Эволюция в данном случае может происходить как в направлении перехода к более сложным системам, так и в обратном направлении — от сложных к простым, или без изменения уровня сложности. По мнению А.Коротаева, тип эволюционных процессов, который он обозначает как “спенсеровский” и который характеризуется переходом от “однородного в разнородное”, и является собственно развитием [Коротаев, 2003: с. 6].

С другой стороны, в современной социально-философской и социологической мысли остается традиция понимания общественного развития и эволюции, имеющая просветительские корни. Определяющим здесь является подход Ю.Хабермаса [Habermas, 1979], для которого термин “социальная эволюция” имеет только “метафорическую связь” с биологическими процессами и выполняет функцию “эвристического ориентира”, “структурирующего наше восприятие социального процесса” [Kirkpatrick, 2003: p. 92, 108]. Как указывает Г.Киркпатрик, эта метафора важна для Ю.Хабермаса потому, что она нацеливает внимание на важность “эволюционного механизма обучения” (“эволюции через обучение”, которое обеспечивает системное развитие) в “историческом развитии” общества, и собственно такое понимание имеет больше общего с философской позицией И.Канта, “скорее чем с эволюционной теорией в современной науке” [Kirkpatrick, 2003: p. 93, 103, 104, 108].

Таким образом, трактовки развития и эволюции в современных естественных науках и в социологии отличаются. Качественные структурные изменения не обязательно приводят к увеличению сложности системы, повышение уровня сложности не означает автоматически увеличения ее эффективности, простые системы могут демонстрировать лучшую способность к адаптации, чем сложные, а сложность не является критерием отбора в процессе естественной эволюции.

Еще одной важной составляющей социальной теории является тезис о связи развития и научно-технического прогресса. Последний во многом сформировал представление о постепенном развитии экономики и общества, содержащееся в работах Р.Арона, У.Ростоу, Д.Белла, Л.Уайта, О.Тоффлера и др. [Новая технократическая волна, 1986; Белл, 1999; Тоффлер, 1999]. Безусловно, способность к инновациям и научно-технический прогресс — это ключевые составляющие современного экономического развития. Однако даже сторонники “технологического детерминизма” понимали, что технология сама по себе не является “движущей силой истории” [Тоффлер, 1999: с. 202]. Как доказывает Дж.Стиглиц, инновации и сдвиги в технологиях, хотя они обуславливают рост эффективности, также могут спро-

воцировать конфликты интересов, поставить под угрозу существующие нормы и ухудшить экономическое и социальное положение значительной части населения. Парадоксальным результатом этого может стать снижение “общей производительности экономики” [Stiglitz, 2004: p. 22]. Оценивая процесс социальных изменений, он заключает: “...то, что происходит под названием прогресса, на самом деле не репрезентирует прогресс, даже в глубоко экономическом смысле этого понятия” [Stiglitz, 2004: p. 25].

К тому же не следует забывать, что развитие не является “абстрактным”, “идеальным” процессом, происходящим безотносительно к общественным отношениям. То развитие, которое так высоко ценят экономисты и к которому стремятся политические вожди разных стран, не обеспечивает всех автоматически благосостоянием и новыми возможностями. Как справедливо отмечают представители неомарксизма и мир-системной теории, развитие, о котором идет речь, является не абстрактным, а капиталистическим, и это означает, что по своей сути оно “приносит прогресс только для некоторых за счет присвоения труда, контроля, власти, творчества и, иногда, жизней многих” [Chinchilla, 1981: p. 144]. На любом рынке — локальном, национальном или глобальном — равновесие является идеальным типом, и развитие в реальности происходит в условиях асимметрий, то есть всегда за чей-то счет. В то же время существуют механизмы и практики, в той или иной степени уменьшающие асимметрии, приближая к равновесию [Greenwald, 1986].

Таким образом, экономическое развитие является составляющей общественных процессов и его нельзя рассматривать вне социальных отношений, структур и положения определенных групп. В распространенной в литературе формуле “экономическое развитие и социальные изменения” последние не являются просто сопутствующими эффектами или усиливающими факторами первого. В совокупности они составляют единый процесс, который, однако, может носить противоречивый характер.

Собственно социальные изменения в социологии традиционно рассматривали через изменения в социальной стратификации и социальную мобильность, трансформации в институтах, культуре, а также в контексте общественных движений [Беккер, 1961; Штомпка, 1996; Tilly, 1999]. “Обобщенной моделью” различных типов изменений является возникновение, распространение и принятие инноваций, наиболее восприимчивыми к которым оказываются формальные организации [Calhoun, 2000: p. 2644]. Также социальные изменения происходят через “коллективные девиации от устоявшихся типов” и индивидуальные отклонения, вызванные ролевыми конфликтами [Беккер, 1961: с. 331–333]. Важную роль в социальных изменениях играют институционализация отклонений и нормативные новации — “возникновение, замена или преобразование компонентов нормативных структур: норм, ценностей, ролей, институтов, институциональных комплексов” [Штомпка, 1996: с. 313]. Р.Мертон построил классическую типологию реактивных действий акторов (индивидуального приспособления) в ситуации противоречий между культурными целями и институционализированными средствами (нормами) [Мертон, 2006].

Соответственно, Д.Локвуд, пытаясь решить проблемы, стоявшие перед функционализмом, и объяснить, каким образом общество способно генерировать социальные изменения, предложил различать социальную интеграцию и системную интеграцию. Он понимает социальные изменения прежде

всего как “изменения в институциональной структуре социальной системы; точнее, трансформацию ядра институционального порядка общества”, что свидетельствует о переходе к другому типу общества [Lockwood, 1964: p. 244]. Это показательная позиция для различных теорий системного подхода (или разнообразных воплощений этого подхода) — от марксизма до институционализма.

Таким образом, в социологии социальные изменения изучаются на индивидуальном уровне (деятельность индивидуальных акторов, которые пытаются решать существующие конфликты, приспособляются, продуцируют инновации и изменяют свой социальный статус); на уровне коллективного действия (социальные движения, групповые политические акторы, формы, способы и репертуары действий, распространение инноваций в организациях); на макроуровне общества (структурные и институциональные преобразования, изменения институционального порядка, политических режимов и отношений между акторами).

Но несмотря на все многообразие социологических исследований социальных изменений, они очень мало могут сказать об общественном развитии. Инновации служат очевидной и необходимой предпосылкой развития, но они часто чреватые аномией и дестабилизацией и, как правило, используются в партикулярных интересах, провоцируя социальные конфликты. Коллективные отклонения и нормативные новации приводят к противоречивым результатам в ближайшей, среднесрочной или долгосрочной перспективах. Их последствия в основном можно понять лишь спустя значительный промежуток времени, и историки по-разному оценивают их в зависимости от своих идеологических позиций.

Преобразования социальной структуры сложно однозначно интерпретировать в контексте общественного развития. Например, в развитых странах Запада последние три десятилетия характеризуются существенным усилением социального неравенства (то есть разницы в доходах населения), пришедшим на смену прежнему тренду уменьшения разрыва между доходами [Esping-Andersen, 2007; Piketty, 2014]. Причем эти изменения происходили на фоне экономического роста и ускорения технического прогресса. Также на фоне этих тенденций может происходить увеличение риска социальной эксклюзии для определенных групп [Bask, 2010]. Хотя рост экономики “не имеет систематической связи” с углублением неравенства, во многих странах — как западных, так и в Латинской Америке и Азии — второе сопровождает первое, и углубление неравенства является “всемирным трендом” последних десятилетий глобализации [Poverty and social exclusion, 2003: p. 36–38].

Р.Эриксон и Дж.Голдорп, изучая противоречивость трендов межпоколенческой классовой мобильности (intergenerational class mobility) и мобильности на основании дохода (intergenerational income mobility) в Великобритании, пришли к выводу, что классовая мобильность характеризуется большей стабильностью и “более полно отражает преемственность в экономических преимуществах и невыгодах, сохраняющихся через поколение”, тогда как мобильность на основании дохода в большей мере “сенситивна к относительно краткосрочным социальным изменениям” [Erikson, 2010 : p. 226]. Нужно учитывать, что последняя значительно снизилась в Великобритании вопреки другим позитивным изменениям в обществе: распространению инноваций, подъему экономики, основанному на знаниях, и воз-

никновению новых инновационных отраслей, росту ВВП и повышению благосостояния населения и т.п. Таким образом, социальные изменения имеют разное направление и могут противоречить друг другу. Они не обязательно указывают на развитие общества.

Более того, как показал П.Штомпка на примере “культурной травмы”, даже в условиях направленного и необратимого характера глубокие социальные изменения, которым вообще свойственно разрушать “жизненный мир” и вызывать “травматические” ситуации, могут приводить к двум противоположным сценариям — “конструктивного морфогенеза культуры” или “деструктивного цикла культурного распада” [Sztompka, 2000: p. 449, 465–466]. Это означает, что социальные изменения амбивалентны и сами по себе не свидетельствуют о продвижении общества в позитивном направлении, а не “порочном круге” дезинтеграции и разрушения. В то же время аналогичные изменения могут приводить к абсолютно противоположным последствиям для разных обществ.

Во избежание этих противоречий в контексте развития общества социальные изменения понимаются как единый комплекс преобразований, как согласованные или направленные в определенную сторону процессы в разных общественных сферах. Например, П.Кутуев предлагает концептуализировать развитие “как взаимодействие экономического роста, консолидации институций демократии, участия в политике и уважения к правам человека в сочетании с равенством возможностей и всеобщим благосостоянием” и понимать его “как основу эмансипаторских проектов” и “как средство контроля: социального — внутри границ индивидуальных обществ и политического — в плоскости межгосударственной системы” [Кутуев, 2005: с. 49]. Он разделяет мнение, согласно которому развитие охватывает как “изменения на макроуровне”: “экономический рост, развитие / перестройка государства, социальная политика”, и т.п., так и изменения на уровне индивида, “ценности и стратегии построения социального действия” [Кутуев, 2005: с. 49].

Впрочем, следует отметить, что подобное понимание общественного развития совпадает с определением того комплекса “социетальных изменений”, который в 1960-х годах концептуализировался как “процесс модернизации” [Lerner, 1968: p. 387]. Обобщая существовавшие на тот момент теоретические разработки, В.Цапф и П.Флора предложили всеобъемлющую “количественную модель модернизации” [Zapf, 1973]. Они рассматривали модернизацию как процесс, происходящий на четырех взаимосвязанных уровнях (культуры, общества, личности и системы международных отношений) и имеющий шесть измерений:

- 1) культурные трансформации (секуляризация, рационализация, научный прогресс, идеологические преобразования);
- 2) политическое развитие (формирование наций, государства, политических институтов);
- 3) экономическое развитие (технический прогресс, накопление капитала, изменения экономических структур);
- 4) трансформация социальной структуры (увеличение населения, урбанизация, мобильность, социальная мобилизация и интеграция);
- 5) изменения личности (“психическая мобилизация”, ориентация на достижения);
- 6) трансформация международных отношений [Zapf, 1973: p. 172].

Это всесторонняя и исчерпывающая модель общественного развития, которая воплощалась в эпоху модерна. Интересно, что подобный комплексный подход был возобновлен в 2000-х годах в Китае, для которого вопросы развития и модернизации чрезвычайно актуальны [Хэ Чуаньци, 2011]. Китайские исследователи выделяют “универсальные элементы человеческой цивилизации”, сгруппированные по шести сферам, в которых происходит сначала первичная, а затем вторичная модернизации [Хэ Чуаньци, 2011: с. 45]. В основных чертах они совпадают с теми шестью измерениями, которые выделяли В.Цапф и П.Флора более сорока лет назад. Отличие обновленной количественной модели модернизации — в том, что вместо измерения международных отношений появляется экологическое измерение. Иными словами, развитие общества и почти полвека спустя в социологии преимущественно приравнивается к модернизации как движущемуся в определенном “прогрессивном” направлении комплексу процессов, что до сих пор оставляет вопрос о его теоретической интерпретации открытым.

Обобщая имеющиеся в социальных науках теоретические подходы, мы предлагаем определять отдельные измерения развития общества, но *не по отдельным сферам общественной жизни или трансформациям различных социальных институтов, а по характеру и направленности собственно изменений социума*. Каждое из таких измерений будет определять соответствующую теоретическую интерпретацию продвижения общества и ракурс проведения научного анализа. В этой теоретической модели речь не идет о единой эксклюзивной интерпретации. Скорее это комплекс согласованных интерпретаций сложного многоуровневого явления, которые дополняют друг друга и создают целостную картину.

Всего можно выделить шесть выразительных измерений общественного развития. Они не образуют четкой иерархии уровней структурированного феномена, однако их можно упорядочить согласно логике социологического анализа. Эти шесть измерений охватывают:

- 1) экономический рост;
- 2) научно-техническое развитие;
- 3) социальные изменения;
- 4) эволюционное развитие (“социальная эволюция”);
- 5) развитие общественных отношений;
- 6) модернизацию.

Первое измерение экономического роста есть фундаментальной составляющей развития общества, однако, как отмечалось выше, не тождественно ему. Это очевидная материальная основа общественного развития, заключающаяся в производстве “большого количества и большего разнообразия предметов” для удовлетворения человеческих потребностей [Спенсер, 1998: с. 22], а также в повышении производительности труда и, наконец, повышении благосостояния населения, причем широких слоев населения, а не привилегированной элиты, поскольку значимость экономического роста в развитии общества связана с распространением благосостояния. Перефразируя выражение Й.Шумпетера, суть экономического развития, обеспеченного капитализмом, состоит не в том, чтобы производить больше “шелковых чулок для королей”, а в их доступности для работниц фабрик за счет снижения стоимости [Schumpeter, 1994: р. 67]. Экономическая история свидетельствует о направленности и позитивном характере экономического

роста, который, между тем, не является линейным [Maddison, 2001]. Снабжая материальную основу продвижения общества, экономический рост, в свою очередь, обусловлен социальными изменениями [Спенсер, 1998: с. 22]. Однако, в отличие от Г.Спенсера, который считал это социальным прогрессом, здесь предполагается, что связь между экономикой и социальными изменениями сложна и противоречива [Stiglitz, 2004; North, 2009]. Следовательно, экономический рост и прежде всего развитие производительных сил являются движущей силой общественного развития и его результатом; следствием эффективности определенной формы социальной организации и социальных институтов.

Научно-техническое измерение развития общества в наибольшей степени отвечает представлениям о прогрессе [Тоффлер, 1999]. И хотя изменения в этой сфере имеют определенный кумулятивный характер, это не равномерный процесс [Kuhn, 1970; Niiniluoto, 2011]. В любом случае научно-техническое развитие выступает чрезвычайно важной движущей силой современного общества. Оно тесно связано с экономическим ростом и направлено на инновации эпохи модерна. Общества можно сравнить как по качеству научно-исследовательской инфраструктуры, так и по инновациям, их внедрению и инновационному потенциалу [Dutta, 2012; Wonglimpiyarat, 2010]. В то же время даже при равном доступе к новым технологиям более развитые страны демонстрируют лучшие экономические результаты и более высокую производительность труда, чем менее развитые [Acemoglu, 2001]. То есть научно-технический фактор зависит от других измерений общественного развития.

Третье измерение охватывает социальные изменения. Это разнообразные процессы в обществе, важной теоретической и методологической основой изучения которых служит теория поколений К.Маннгейма [Mannheim, 1952] и исследовательская стратегия когортного анализа [Ryder, 1965; Glenn, 2005]. После того как Н.Райдер предложил демографический подход к изучению социальных изменений в социологии, согласно которому физическое изменение возрастных когорт (“демографический метаболизм”) служит основой воспроизводства и трансформаций в обществе [Ryder, 1965], стало очевидно, что социальные изменения состоят из относительно *независимых компонентов*, размежевание эффектов которых является необходимым условием для понимания процесса социальных изменений и их источников. Например, как метко заметил Г.Файербау, было бы ошибочным отождествлять изменение общественного мнения с реальным изменением мнений индивидов, поскольку первое может быть как следствием изменения последнего, так и следствием изменений в структуре популяции, поэтому различие между естественными изменениями в результате изменения когорт и изменениями внутри каждой когорты имеет фундаментальное значение в социологии [Firebaugh, 1989].

Фактически комплекс изменений, эмпирически фиксированных в обществе, образуют *три компонента*, являющиеся результатом различных по характеру процессов. Это, во-первых, преобразования, которые ощущают индивиды вследствие возрастных изменений (например, с возрастом люди могут становиться более консервативными, менее склонными к риску, они чаще имеют проблемы со здоровьем и т.п.). Во-вторых, это изменения, происходящие в процессе разворачивания разнообразных общественных явле-

ний и процессов — событий, конфликтов, институциональных практик, распространения инноваций и т.п., а также изменения, продуцируемые самими социальными акторами (“эффект исторического периода” или факторов).

В-третьих, это трансформации, являющиеся результатом последовательного замещения когорт (смены поколений) [Alwin, 2003]. Этот комплекс может одновременно отражать как изменения в популяции, так и изменения на индивидуальном уровне [Firebaugh, 1992]. Как правило, предмет социологии развития включает именно второй компонент — “эффект исторического периода”, что позволяет ответить на вопрос, что произошло в обществе на институциональном или культурном уровне и что вызвало такие изменения. С помощью метода когортного анализа можно, во-первых, оценить эффекты возрастных изменений, находящихся в фокусе внимания, прежде всего демографии; во-вторых, понять “источники и природу” разного рода социальных, культурных и политических трансформаций [Glenn, 2005]. Следовательно, определение природы социальных изменений важно, поскольку это может означать либо приход новых поколений, различавшихся своей социализацией, либо существенные исторические события, повлиявшие одновременно на все возрастные когорты.

Если измерение социальных изменений в социологическом анализе указывает на отдельные компоненты, характер влияния общественных процессов на социальных агентов и роль в них последних, то понятие эволюционного развития позволяет выявить определенную последовательность процессов и структур. Выше упоминалось о метафорическом наполнении термина “социальная эволюция” для обозначения логики истории и формирования исторического опыта человечества [Habermas, 1979]. Разумеется, такая логика часто может скорее отвечать воображаемой, нежели объективной реальности. Впрочем, помимо собственно исторического опыта, который можно интерпретировать по-разному, эволюционная логика, безусловно, заключается в том, что одни формы социальной организации приходят на смену другим, качественно отличным формам [Giddens, 1984: p. 232; Коротчаев, 2003: с. 5]. Более того, можно говорить о некоей последовательности таких изменений, поскольку предшествующие формы социальной организации служат предпосылкой возникновения новых форм, что делает использование понятия эволюции, по словам Э.Гидденса, оправданным, хотя оно не объясняет механизма социальных изменений и далеко от содержания биологической эволюции [Giddens, 1984: p. 232]. То есть в этом случае речь идет только о формальной характеристике общественного развития как непрерывном процессе обусловленных изменений¹.

Следующее измерение, которое условно определяется как развитие общественных отношений, отражает именно содержательную сторону развития. Оно охватывает изменения норм, статусов, практик и институтов, происходящие из-за противоречий в системе производственных отношений,

¹ Нужно заметить, что новые формы социальной организации могут отрицать предыдущие, а их возникновение и влияние стохастических факторов может нарушать последовательность социальных изменений. Впрочем, даже в ходе революционных преобразований в обществе существуют как тривиальная историческая обусловленность, так и специфические проявления path dependency, что и определяет общественное развитие как целостное и в общем непрерывное.

прежде всего отношений социальной организации и механизмов контроля насилия [North, 2009]. Развитие общественных отношений осуществляется благодаря деятельности социальных агентов, их взаимодействию, борьбе за ресурсы, отстаиванию своих интересов, воспроизводству и перестройке структур доминирования. Это измерение развития является инвариантным свойством общества, и можно отметить его определенную объективную направленность. Существуют исторические тенденции увеличения и распространения прав человека [Marshall, 1992], повышения качества жизни, способности выбора и, соответственно, свобод значительной части населения [Sen, 1999], увеличения жизненных шансов и роста числа тех, кто имеет лучшие жизненные шансы [Weber, 1978; Tiryakian, 1995], институциональной эмансипации и распространения ценностей самовыражения [Inglehart, 2005; Welzel, 2003], перехода к социальному порядку открытого доступа [North, 2009]. Но данные тенденции не являются универсальными, и не все общества способны следовать по этому пути [Acemoglu, 2012]. Несмотря на указанную направленность развития общественных отношений и социальных институтов, его результаты могут оказаться неоднозначными [Bellah, 1997]. Впрочем, это наиболее значимая общая характеристика исторического процесса, являющегося диалектическим, движимым деятельностью и стремлением людей, вступающих между собой во взаимодействие, которое объективируется в социальных отношениях.

Что в таком случае в предложенной теоретической модели означает последнее измерение развития — модернизация? Преимущественно ее понимают как комплекс определенных изменений, которыми характеризовался переход от одного типа общества к другому, современному типу общества [Martinelli, 2005]. Тем не менее в эпоху “позднего модерна” оказалось, что это не однократный переход. Этот переход не приводит и не мог привести к завершённому состоянию. Это открытый процесс, и модернизация является непрерывной, неминуемо перманентной, поскольку это способ существования общества модерна [Bauman, 2000].

С другой стороны, модернизация не происходит равномерно, и ее течение дает основания оценить развитие разных обществ в сравнительном аспекте. В современном глобальном мире она рассматривается как “форма международной конкуренции” и даже — в контексте всемирной истории — как “международная конкуренция цивилизаций” [Хэ Чуаньци, 2011: с. 45, 46, 76]. Подобный взгляд на модернизацию может быть ретроспективным, но может также быть использован для объяснения и прогнозирования соотношения сил в глобальной мир-системе в будущем. Наиболее полное такое понимание модернизации в трех временных планах было предложено В.Цапфом [Цапф, 1998]. Это позволяет исчерпывающе сравнить различные общества по уровню развития и оценить их перспективы. Однако такой подход ограничивается лишь формальной стороной модернизации. Формально модернизация ориентирована на достижение новейшего, самого современного состояния (“up-to-date”), которое только возможно в настоящее время и в этом месте [Harrison, 1988: p. 152]. В социологической интерпретации общественного развития в этом измерении, как и в случае использования понятия социальной эволюции, это дает возможность ранжировать общества, располагая их на определенной шкале [Giddens, 1984: p. 232]. Это очень важно для сравнения конкурентоспособности обществ и понимания мировых тенденций раз-

вития. Понятие модернизации вполне пригодно для такого ракурса проведения социологического анализа. Но возникает проблема релятивности (направленности) развития общества, поскольку неопределенными остаются содержательные ориентиры развития, кроме собственно “самого современного состояния” и самой высокой конкурентоспособности.

На наш взгляд, измерение модернизации может также охватывать эти содержательные ориентиры, если рассматривать его в связи с измерением развития общественных отношений. Тогда возникает вопрос критериев модернизации, которые раньше преимущественно отождествляли с набором определенных характерных признаков “западного” общества модерна — устойчивого экономического роста, участия в общественной жизни и демократического представительства, распространения секулярных и рациональных норм, мобильности и т.п. [Lerner, 1968: p. 387; Zapf, 1973: p. 172]. Все эти признаки важны, хотя они могут по-разному проявляться в отдельных обществах. Но поскольку общим ориентиром развития общества в процессе преобразований социальных отношений, институтов и типов порядка является расширение “прав и свобод”, основанных на возможности выбора человека [Sen, 1997; Sen, 1999], то терминальным критерием модернизации следует считать увеличение способности людей в осуществлении ими выбора.

Итак, модернизация является процессом, когда общество отвечает актуальным вызовам и обновляется, достигая наиболее современного состояния и сравнительно высокой конкурентоспособности, при этом должен удовлетворяться критерий оптимизации способности выбора человека. Такое измерение может дополнить теоретическую интерпретацию развития общества. В совокупности все указанные измерения образуют комплекс согласованных интерпретаций, которые минимизируют противоречия существующих концепций социальных изменений, социальной эволюции, модернизации и общественного развития.

Источники

Антоновский А. Эволюция: системно-конструктивистский подход / А. Антоновский // Луман Н. Эволюция / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновский. — М.: Логос, 2005.

Беккер Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков. — М., 1961.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Образец социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999.

Коротяев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротяев. — М.: Восточная литература РАН, 2003.

Кутуев П.В. Концепції розвитку та модернізації: еволюція дослідницьких програм соціологічного дискурсу / П.В. Кутуєв. — К.: Сталь, 2005.

Луман Н. Эволюция / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновский. — М.: Логос, 2005.

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука / Э.С. Маркарян. — М.: Мысль, 1983.

Маркс К. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Т. 4. — 2-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13. — 2-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1959.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. — М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006.

Новая технократическая волна на западе / ред. П. С. Гуревич. — М. : Прогресс, 1986.

Погосян В. Модернизация как фактор сохранения социального гомеостаза / В. Погосян // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2009. — № 2.

Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. ; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. — М. : Прогресс, 1986.

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер ; пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина. — Минск : Современный литератор, 1998.

Тоффлер О. Наука и изменение (предисловие) / О. Тоффлер // Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. ; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. — М. : Прогресс, 1986.

Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина ; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. — М. : Весь Мир, 2011.

Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социальные исследования. — 1998. — № 8.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка / пер. с польск. С.М. Червонной. — М. : Логос, 2005.

Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка / пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. — М. : Аспект Пресс, 1996.

Acemoglu D. Productivity Differences / Daron Acemoglu, Fabrizio Zilibotti // The Quarterly Journal of Economics. — 2001. — Vol. 116. — № 2.

Acemoglu D. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / Daron Acemoglu, James A. Robinson. — 1st ed. — N.Y. : Crown Publishers, 2012.

Alwin D.F. Generations, Cohorts, and Social Change / D. Alwin, R. McCammon // Handbook of the life course / Eds. Jeylan T. Mortimer, Michael J. Shanahan. — N.Y. : Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2003.

Bask M. Increasing Inequality in Social Exclusion Occurrence: The Case of Sweden During 1979–2003 / Miia Bask // Social Indicators Research. — 2010. — Vol. 97.

Bauman Z. Liquid Modernity / Zygmunt Bauman. — Cambridge, UK : Polity Press, 2000.

Bellah R. The Necessity of Opportunity and Community in a Good Society / Robert N. Bellah // International Sociology. — 1997. — Vol. 12 (4).

Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice / P. Bourdieu. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1977.

Calhoun C. Social change / Craig Calhoun // Encyclopedia of Sociology / Edgar F. Borgatta, editor-in-chief, Rhonda Montgomery, managing editor. Vol. 4. — 2nd ed. — N.Y. : Macmillan Reference USA, 2000.

Development economics through the decades : a critical look at 30 years of the world development report / [Shahid Yusuf ; with Angus Deaton, Kemal Derviş? et al.]. — Washington, D.C. : World Bank, 2009.

Dutta S. The global innovation index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global [Electronic resource]. — INSEAD and WIPO, 2012. — 441 p. — Access mode : http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2012.pdf.

Erikson R. Has social mobility in Britain decreased? Reconciling divergent findings on income and class mobility / Robert Erikson, John H. Goldthorpe // The British Journal of Sociology. — 2010. — Vol. 61.

Esping-Andersen G. Sociological Explanations of Changing Income Distributions / G. Esping-Andersen // American Behavioral Scientist. — 2007. — Vol. 50. — № 5.

Firebaugh G. Methods for Estimating Cohort Replacement / G. Firebaugh // Sociological Methodology. — 1989. — Vol. 19.

Firebaugh G. Where does social change come from? Estimating the relative contributions of individual change and population turnover / G. Firebaugh // Population Research and Policy Review. — 1992. — Vol. 11.

Habermas J. Communication and the Evolution of Society / Jürgen Habermas. — Boston: Beacon Press, 1979.

Haferkamp H. Social change and modernity / edited by Hans Haferkamp and Neil J. Smelser. — Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1992.

Harrison D. The Sociology of Modernization and Development / David Harrison. — London; New York: Routledge, 1988.

Glenn N.D. Cohort Analysis / N. Glenn. — 2nd ed. (Quantitative applications in the social sciences; 07-005). — Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.

Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration / Anthony Giddens. — Cambridge: Polity Press, 1984.

Greenwald B.C. Externalities in economies with imperfect information and incomplete markets / B.C. Greenwald, J.E. Stiglitz // The quarterly journal of economics. — 1986. — Vol. 101, № 2.

Inglehart R. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart, Christian Welzel. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Kirkpatrick G. Evolution or Progress? A (Critical) Defence of Habermas's Theory of Social Development / Graeme Kirkpatrick // Thesis Eleven. — 2003. — № 72.

Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions / Tomas S. Kuhn. — 2nd edition. — Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Lerner D. Modernization: social aspects / D. Lerner // International Encyclopedia of the Social Sciences. — N.Y.: Macmillan, 1968.

Lockwood D. Social Integration and System Integration / David Lockwood // Explorations in Social Change / George K. Zollschan, Walter Hirsch editors. — London: Routledge & Kegan Paul, 1964.

Maddison A. The World Economy: a Millennial Perspective / Angus Maddison. — Paris: OECD, 2001.

Mannheim K. The Problem of Generations / K. Mannheim // Essays on the Sociology of Knowledge by Karl Mannheim / ed. by P. Kecskemeti. — London: New York: Routledge & Kegan Paul, 1952.

Marshall T.H. Citizenship and social class / T.H. Marshall, Tom Bottomore. — Concord, MA: Pluto Press, 1992.

Martinelli A. Global Modernization: Rethinking the project of modernity / A. Martinelli. — London: SAGE Publications, 2005.

Niiniluoto I. Scientific Progress [Electronic resource] / I. Niiniluoto // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2011 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). — Access mode: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2011/entries/scientific-progress>.

North D. Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history / North, Douglass C., John Joseph Wallis, Barry R. Weingast. — Cambridge University Press, 2009.

Parsons T. Societies: evolutionary and comparative perspectives / Parsons T. Englewood Cliffs. — N.J.: Prentice-Hall, 1966.

Piketty T. Capital in the twenty-first century / Thomas Piketty; translated by Arthur Goldhammer. — Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2014.

Poverty and social exclusion in North and South: essays on social policy and global poverty reduction / edited by Paul Mosley and Elizabeth Dowler. — London: New York: Routledge, 2003.

Ryder N.B. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change / N. Ryder // American Sociological Review. — 1965. — Vol. 30.

Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy / Joseph Schumpeter. — London : New York : Routledge, 1994.

Sen A. On Economic Inequality / Amartya Sen. // Enlarged Edition With a Substantial Annexe 'On Economic Inequality After a Quarter Century' / by James E. Foster and Amartya Sen. — Oxford : Clarendon Press, 1997.

Sen A. Development as freedom / Amartya Sen. — Oxford : Oxford University Press, 1999.

Social Change / Ivolution Sociale // Current Sociology. — 1955. — Vol. 4, № 2–3.

Stiglitz J. Evaluating economic change / Joseph E. Stiglitz // Daedalus. — 2004. — Vol. 133, № 3.

Stoltz Chinchilla N. Toward a New Understanding of Development and Underdevelopment / Norma Stoltz Chinchilla, James Lowell Dietz // Latin American Perspectives. — 1981. — Vol. 8.

Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change / P. Sztompka // European Journal of Social Theory. — 2000. — Vol. 3, № 4.

Sztompka P. Society in action — the theory of social becoming / P. Sztompka. — Chicago : University of Chicago Press, 1991.

Tilly Ch. From Interactions to Outcomes in Social Movements / Charles Tilly // How social movements matter / Marco Giugni, Doug McAdam, and Charles Filly, editors. — Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1999.

Tiryakian E.A. Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe / E.A. Tiryakian // Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. — Berlin : New York, 1995.

Weber M. Economy and Society / Weber M.; Ed. by Guenther Roth and Claus Wittich. — Berkeley : University of California Press, 1978.

Welzel C. The theory of human development: A cross-cultural analysis / C. Welzel, R. Inglehart, H.-D. Klingemann // European Journal of Political Research. — 2003. — Vol. 42.

Wonglimpiyarat J. Innovation index and the innovative capacity of nations / J. Wonglimpiyarat // Futures. — 2010. — № 42(3).

Zapf W. Differences in Path of Development : An Analysis for Ten Countries / Wolfgang Zapf, Peter Flora // Building States and Nations : Models and Data Resources. Vol. I / S. N. Eisenstadt, S. Rokkan (eds.). — London : Sage, 1973.